

Борис ФИЛИППОВ

ДВЕ СУДЬБЫ

Борис Михайлович Филиппов встречался с многими видными деятелями искусства. Около тридцати лет он был директором клуба мастеров искусства и Центрального Дома мастеров искусства. А в 1922 году, работая в Петрогубпрофсовете, был одним из организаторов последнего концерта Ф. И. Шаляпина в Советском Союзе. Б. М. Филиппов написал книгу воспоминаний «Атеры без грима». Она готовится к печати издательством «Советская Россия». Отдельные ее главы уже публиковались в журналах «Юность», «Нива».

Сегодня мы знакомим читателей «Литературной России» с одной из глав этих интересных мемуаров, посвященной Федору Шаляпину и Александру Вертинскому.

ШАЛЯПИН и Вертинский.. Казалось бы, что общего в судьбе людей, столь различных по своей индивидуальности и своему удельному весу в искусстве?

Можно ли ставить рядом их имена даже при некоторой общности ситуаций, возникших на их жизненном пути?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, я постараюсь извлечь из копилки воспоминаний личные впечатления от общения с этими артистами. Одни из них навсегда запомнились мне еще в годы моей юности, а другой удивлял меня уже на склоне моих лет.

Одного я видел и слышал во всем величии и блеске его могучего таланта. Искусство другого узнал только тогда, когда оно поддерживалось приобретенным им за долгие годы мастерством.

Шаляпина я увидел и услышал впервые, будучи подростком, в 1916 году в оперном театре Петроградского народного дома.

Это был один из самых неуклюжих театров Петрограда, построенный незадолго до первой мировой войны. В то время в нем процветала оперная антреприза Аксарина, сумевшего привлечь в качестве гастролеров крупнейших русских вокалистов Л. Собиннова, Д. Смирнова, А. Мозжухина, Л. Липковскую.

Шаляпин выступал здесь в «Фаусте» и в «Русалке», покоря слушателей в партиях Мефистофеля и Мельника.

Я отлично помню огромный, круглый, уютный, переполненный до отказа зрительный зал. Все билеты, включая и «неудобные места», проданы. Публика, наэлектризованная именем, голосом и игрой Шаляпина. Уплотненные ложи и молодежь, сидящая на ступеньках во всех проходах театра. Оvation и бесконечное множество цветов в антрактах и в конце спектакля.

В зале атмосфера торжественного праздника, хотя война продолжается и «на Западном фронте без перемен»...

А потом мне удалось видеть и слушать Шаляпина лишь на концертной эстраде только через шесть лет, 29 июня 1922 года, буквально за несколько часов до того, как певец навсегда покинул свою Родину. Свежи еще были впечатления от образов Мефистофеля и Мельника, от могучей силы шаляпинского перевоплощения. Неужели же это был один и тот же артист? Неужели возможно не только актерская игра, но и вокальными средствами достигнуть такой удивительной жизненной правды и убедительности, такого совершенного сближения оперы с драмой? Тогда я многого не понимал. Но Мельник был для меня ожившим образом из знакомой пушкинской «Русалки», образом, потрясшим своим глубоким драматизмом.

И вот мы встречаем Шаляпина в Большом зале филармонии на Михайловской улице. Мне предстояло впервые увидеть его без грима, услышать как концертного исполнителя. Никто из слушателей не подозревал, что присутствует на последней встрече с великим артистом.

Это был бесплатный дневной концерт для питерских рабочих. Его устроил Петрогубпрофсовет по предложению самого Шаляпина. Что это было: «маска» или «душа», «красивый жест» или желание в последний раз ощутить признательные взгляды своих соотечественников? Я думаю, последнее наиболее верно.

Несмотря на будний день — это был четверг, — уже задолго до начала концерта зал был переполнен. Сотни жадно проникающих в здание толпились у подъездов, запрудив Михайловскую улицу (ныне ул. Бродского).

В 2 часа дня вспыхнули передними огнями огромные хрустальные люстры. На эстраду помпезного концертного зала вышел Шаляпин. Артист был в полном параде — безукоризненный фрак, брильянтовые запонки, величественная осанка. В программе были собраны любимые оперные арии и романсы, создавшие шаляпинскую концертную славу. Слушатели бурно аплодиро-

вали артисту, заставляя его бисировать по многу раз. А под конец он пел русские народные песни, в которых звучала неизбывная тоска по широкому волжскому раздолью...

А время было тяжелое... Время страшного, невиданного голода в Поволжье, отзвуки которого прокатились не только по нашей растерзанной войной и разрухой стране, но и по всему миру.

Среди многочисленных слушателей, собравшихся в зале, была группа друзей Шаляпина. Я узнал дирижеров В. Дранишников и Д. Похитонина, оперных артистов П. Андреева, И. Тартакова, режиссера Н. Смолича и импозантную фигуру директора академических театров, бывшего путейского инженера И. Экскузовича, одного из ближайших помощников А. В. Луначарского. Был период, когда Экскузович, «разрываясь на два фронта», возглавлял академические театры не только Петрограда, но и Москвы. Петроградские актеры воспели его даже в частушках:

Экскузович, дорогой,
Нам сегодня круто:
Вы в Москве одной ногой,
А другою — тут!

...Концерт Шаляпина подходит к концу. Артист охотно бисировал и заканчивает программу традиционной «Дубиной», вовлекая в пение зрительный зал. Он протягивает руки к своим благодарным слушателям, как бы пытаясь обнять всех присутствующих и прижать к своей могучей груди...

Публика долго не расходится. Шаляпин показывает на часы. Время бежит, и скоро нужно ехать на пристань. У артистического подъезда, со стороны Михайловской улицы, Шаляпина ждет большая толпа влюбленной в него молодежи. Его поднимают на руки и высоко над головами пронесут через улицу в Европейскую гостиницу.

А вечером, который никак нельзя отличить от дня, потому что июнь в Петрограде — это время белых ночей, на набережной лейтенанта Шмидта собираются провожающие. Здесь друзья и поклонники Шаляпина, представители театров и делегация Петрогубпрофсовета. Небо заволочено свинцовыми тучами, набежавшие с Финского залива. Накрапывает дождь.

После первого гудка Федор Иванович появляется на корабле в светлом костюме, без шляпы. Порывы ветра развевают его волосы. Он вынимает большой платок и машет им в воздухе. Последний гудок.

Гул приветственных голосов оглашает пристань:

— До свидания, Федор Иванович!
Но никто из стоящих на набережной у причала не слышит ответного «до свидания»!..

Много воды утекло с тех пор... Говорят, что Федор Иванович, покинув отчизну, нередко испытывал острые приступы ностальгии, самой страшной из всех болезней — тоски по родине.

Вести о нем доносились разные. Многие его суждения, публикуемые в зарубежной печати, и его книга «Маска и душа» говорили о глубокой раздвоенности артиста. Он не имел мужества признать самую роковую ошибку всей своей жизни и вернуться в Россию.

Было что-то общее в его судьбе с великим русским художником Ильей Репиным, обосновавшимся в своих «Пенатах», на территории, принадлежавшей в то время Финляндии. Великий художник своим поведением не раз доказывал, что от великого до смешного — один шаг. Он возводил в «принципиальные» разногласия с Советской властью

отмену буквы «ять» — а то, чего доброго, и его будут величать не Репин, а Рёпин!

Никакие уговоры добрых друзей не смогли сломить упрямство старика Репина, хотя не раз его манила к себе видневшаяся далеко в Финском заливе полоска русской земли — остров Кронштадт.

Даже Вертинский, этот «бродяга и артист», не выдержал скитаний на чужбине и вернулся на Родину.

Я помню его творческий вечер в Москве в декабре 1945 года. В зале Всероссийского театрального общества собралось множество столичных актеров, среди которых было немало и старых товарищей Вертинского, связанных с ним дружбой еще до его эмиграции.

Первое отделение этого памятного вечера, начавшегося около полуночи, было посвящено Федору Ивановичу Шаляпину. Вертинский читал воспоминания о великом артисте из своей книги «Без родины». А затем он читал свои стихи о Родине, написанные в эмиграции, и пел песни: «Китайская акварель», «Минута в пути», «Последний бокал», «Джонни» и милую лирическую песенку счастливого отца «Доченьки».

Увы, он не дождался увидеть одну из них на экране в роли Офелии.

Я впервые тогда увидел Вертинского. Мое поколение знало его только по случайным попаданиям в Москву грампластинкам. Слушая в записи его песни, признавая его мастерство, мы не могли погасить в себе чувства неприязни к нему как к человеку, покинувшему свою Родину. Издали он казался нам одним из последних осколков Российской империи:

Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль...
Ничего теперь не надо нам,
Ничего теперь не жалю!

И вот Александр Вертинский оказался в Москве, которая встретила его тепло и по-дружески, простив ему «грехи молодости».

Идя на концерт Вертинского, я думал, что увижу на эстраде музейный экспонат, нечто вроде живого камергеря двора его императорского величества в расшитом золотом парадном мундире. Но все это было далеко не так, хотя внешне он и напоминал римского патриция. В особенности я ощутил это сходство позднее, в 1948 году, увидев

его на Рижском взморье, с наброшенной на голые плечи простыней. В день моего первого знакомства с Вертинским зал, в котором сидели испытанные знатоки искусства, был покорен исполнителем мастерством артиста.

Как бесспорный мастер, он показал себя и в дальнейшем, дебютируя в кинофильме «Заговор обреченных», где он играл роль Кардинала. Это дало повод Эмилю Кроткому сочинить на него эпиграмму:

Вы перед зрителем кино
Предстали в облике негоданном...
Вы кардинал Немуредом!
Что ваши пальцы пахнут ладаном!

Как-то я спросил Василия Ивановича Качалова, очень любящего слушать Вертинского и высоко ценящего его как артиста, в чем он видит основы его мастерства.

— Как в чем? Прежде всего в выразительности его пения, в блестящем владении искусством интонации, в обреченности жеста, в умении какими-то своеобразными средствами, главным

образом движением пальцев, создавать образы, перевоплощаться. Такого умения владеть руками, таких «поющих рук» я не знаю ни у одного из актеров. Конечно, и мимические его свойства поразительны!

Точно так же оценивал Вертинского и Иван Михайлович Москвин.

Я помню, как после концерта Вертинского в ЦДРИ я зашел к нему в артистическую. Он сидел у зеркала в белоснежной рубашке, сбросив фрак и снимая с лица остатки легкого грима.

— Душно в зале, трудновато петь, — сказал он, как всегда, грассируя.

И действительно, в зале было вдвое больше народа, чем полагалось по его вместимости. Были забыты все проходы и «мобилизованы» все дополнительные стулья. Пожарная охрана свирепствовала и грозила составить протокол за нарушение правил.

— Правда, это не только у вас — это повсюду. За эти годы я уже успел объездить почти весь Советский Союз. Ведь скоро исполнится 40 лет моей работы на сцене. Хочу отметить. Думаю, у вас, в ЦДРИ.

Разговор наш происходил в январе 1956 года.

— Жаль, правда, что нет уже моих самых близких друзей — Качалова, Москвина, Тарханова... Они ко мне замечательно относились, хотя я не очень долюбливал их шефа — Константина Сергеевича Станиславского. Признаюсь, в этом было нечто личное: я не мог ему простить, что он не принял меня когда-то в Художественный театр из-за моей буквы «р».

Правда, Станиславский потом, слушая меня в Париже в огромном концертном зале, пришел за кулисы казаться, что не угадал во мне артиста. А разве я не мог бы сыграть Каренина? Или Барона в «На дне»? Эти роли просто написаны для меня. И тогда вообще моя судьба могла бы повернуться иначе. Если б я решил с самого начала писать мемуары моей жизни, я бы назвал их «Путь к инфаркту». Все время в странствиях! Так всю жизнь! Во многом, конечно, я сам виноват... А между тем, мне пора уже подумать о пристани... Ведь у меня здесь жена, доченька. Они молодят меня, протестуют, когда я называю себя стариком: «Папа, ты у нас молоденький!» И квартира у меня отличная в Москве. И оставил я ее отлично. Артиста должны окружать красивые вещи. Правда, эстетика нужна всем. Но для актерской профессии это особенно важно.

Ох, Ленинград, Ленинград! Как я люблю этот город! В Москве я ничего не могу узнать, а в Ленинграде все узнаваемое: Невский проспект, Адмиралтейство, Дворцовая площадь, архитектурные ансамбли России, Анничков мост, Медный всадник, Сенатская площадь... Все, все связано с молодостью. А пожилых людей всегда влечет поэзия их юных дней...

В этом с юности любимом городе и скончался Вертинский. Он поехал туда на гастроль в июне 1957 года. В гостинице «Астория» у Вертинского начался сильнейший сердечный приступ. Под рукой не оказалось нитроглицерина. И все было кончено в несколько минут. Вызванная «скорая помощь» оказалась уже бесполезной.

На следующий день мы встречали в Московском театре эстрады, на площади Маяковского, оцинкованный гроб прибывший в Москву на самолете.

В театре кончалось очередное эстрадное представление. Никто из зрителей, конечно, не подозревал, что в этот момент через служебный вход в помещение дирекции театра вносят тело эстрадного артиста, человека столь необычной судьбы, завершившего свой сложный жизненный путь.

Два человека, два художника, несравнимых по своему значению в искусстве, но в то же время дающих возможность сравнивать их судьбы!

Один из них похоронен далеко от Родины — на парижском кладбище Батиньоль. Другого приняла в свои объятия родная мать-земля.

Оба эти художника всей своей жизнью подтверждают слова Шаляпина, что все мы принадлежим своей стране, своему народу и что мы должны быть с Родиной не только морально, но и физически — «всеми шрамами, всеми затвердевшими и всеми горбами».

Ф. И. ШАЛЯПИН

А. Н. ВЕРТИНСКИЙ